

Лобач Михаил Михайлович. Младший сержант, санитарный инструктор. Родился 10.10.1966г. в Минской области, белорус. В Афганистане с августа 1985г. Тяжело ранен 24 ноября 1986г. при обстреле в провинции Кандагар, умер от ран. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды (посмертно).

Среди выпускников нашего университета есть примеры продолжения традиций, заложенных Клумовым Е.В., Ходак Виктор Иванович. Родился 27 декабря 1955 года в г. Кировограде. Отслужив срочную службу в 1978 году, поступил на лечебный факультет Гродненского государственного медицинского института. Был старостой потока, принимал активное участие в общественной жизни института. По окончании 4 курсов продолжил обучение на военно-медицинском факультете при Куйбышевском мединституте, который закончил в 1984 году. В 1986 году направлен в Афганистан. Погиб при обстреле колонны 07.07.1987 г. Посмертно награжден орденом Красной Звезды. Похоронен в г. Минске. Его дочь вышла замуж за молодого человека, у которого отец также погиб в Афганистане (о них был снят документальный фильм, показан по Белорусскому ТВ).

Для нынешнего поколения подвиг военных медиков в Афганистане яркий пример исполнения врачебного долга. Их героизм учит нас, как следует относиться к своей профессии.

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Зинюк В.А.

1 к., 2 гр., МДФ УО «Гродненский государственный медицинский университет»
Кафедра социально-гуманитарных наук

Научный руководитель – канд. истор. наук, преподаватель *Сильванович С.А.*

Советская разведывательная деятельность накануне войны осуществлялась по линии наркомата обороны, наркомата военно-морского флота, наркомата внутренних дел (с февраля 1941 г. наркомата государственной безопасности), наркомата иностранных дел и Коминтерна. В период репрессий 1937–1938 гг., по свидетельству П.А. Судоплатова, разведке был нанесен ущерб в связи с устранением многих опытных работников, но контакты с агентами в основном были сохранены и в 1940–1941 гг. еще больше расширились. Созданные в 30-е гг. разведгруппы и каналы получения информации продолжали исправно функционировать [1].

Имеющиеся в отечественной историографии данные о состоянии советской разведки накануне войны слишком фрагментарны, а информация

о её достижениях противоречива. В литературе можно встретить утверждения, что материал об основных положениях плана «Барбаросса», утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 года, уже через неделю был передан военной разведкой в Москву. К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря 1940 года советский военный атташе в Берлине генерал-майор В.И. Тупиков доложил в Москву о том, что «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений» [2]. Однако источник сам не видел этого документа, и в его сообщении содержались следующие сведения: «Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке» [2]. Сам по себе этот факт является крупной удачей советской разведки, но следует отметить, что эта информация была неточна. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 года после вывода из войны Англии были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 «Барбаросса» был указан примерный срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 года и подчеркивалось, что СССР должен быть разгромлен еще до того, как будет закончена война против Англии. Имеющиеся материалы не подтверждают и версию о том, что советской разведке удалось раскрыть замысел германского командования и своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии. Сведения о направлениях наступления вермахта были слишком противоречивы и далеко не всегда соответствовали действительности. Готовясь к использованию основных сил в Беларуси, германское командование было заинтересовано в ослаблении противостоящей группировки Красной Армии. Для этого распространялись слухи о возможном ударе по Украине или Прибалтике. Более того, советская разведка не имела точных сведений о возможном характере боевых действий против СССР. Как отмечает П.А. Судоплатов, все предвоенные оценки исходили из идеи затяжной войны, тогда как Германия делала ставку на «блицкриг» [1]. Причем эта уверенность Москвы поддерживалась поступающей разведывательной информацией. В работе советской разведки большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале. К сожалению, они, как правило, были значительно завышены. 31 мая 1941 года разведуправление представило очередной доклад о группировке вермахта на 1 июня, в котором отмечалось, что переброски войск после Балканской кампании на другие театры военных действий в основном завершены. Считалось, что против СССР было развернуто 120–122 германские дивизии, 44–48 находились в резерве на территории Германии, а 122–126 было развернуто против Англии, т.е. на Востоке было сосредоточено всего 41,6% гер-

манских дивизий, а против Англии – 42,6%. Исходя из этих показателей, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении подготовки удара по СССР. На самом деле к 21 июня против СССР было развернуто 62% дивизий вермахта [2]. Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и их группировку на Востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу. Состояние войсковой разведки западных приграничных округов накануне войны оставляло желать лучшего. Агентурная разведка была слабо укомплектована подготовленными кадрами, агентов вербовали из местных жителей, большинство из которых не имели доступа к важным сведениям, а их донесения доставлялись курьерами, что вело к потере времени. Германской контрразведке удалось ограничить утечку информации, ужесточив контроль на границе. Низкая эффективность разведки приграничных военных округов не позволяла командованию видеть четкую картину ситуации и делать соответствующие выводы. Зачастую штабы округов ничего не знали о противостоящих группировках противника, что, естественно, сказалось на ходе боевых действий Красной Армии в условиях стратегически внезапного нападения. Вплоть до германского нападения в сводках разведки НКГБ не было сделано вывода о непосредственной угрозе войны. Также как и военная разведка, разведка НКГБ верно установила факт сосредоточения германских войск, но не смогла определить его цели. Кроме того, Германия всеми способами распространяла версию, что война с СССР является для нее крайним средством по сравнению с переговорами, в ходе которых возможно выдвижение ультимативных требований. Не случайно с апреля 1941 года сведения о возможном германском ультиматуме становятся неременным содержанием разведывательной информации, поступавшей из разных источников и стран, что как бы повышало ее достоверность. В итоге, как отмечают ряд авторов, советское руководство знало о неизбежности войны с Германией, но связывало момент ее начала с исходом будущих советско-германских переговоров и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англо-германской войны. Одним из постоянных сюжетов отечественной историографии является версия о ценнейших материалах Р. Зорге, которые не были приняты во внимание Сталиным. Однако даже выборочно опубликованные донесения Зорге показывают, что в них много неточных и противоречивых сведений о намерениях Германии. Кроме того, следует учитывать, что, как указывает П.А. Судоплатов, Зорге, получивший санкцию Москвы на сотрудничество с германской разведкой в Японии, с 1937 г. не пользовался полным доверием [1]. Нельзя забывать, что советской разведке не удалось добыть ни одного документа о намерениях Германии на Востоке. Как справедливо отмечает П.А. Судоплатов, разведка имела источники в окружении военно-политического руководства Германии, но

не имела доступа к документам германского командования. Поэтому получаемая информация во многом строилась на слухах и отражала колебания в германском руководстве по вопросу об отношениях с СССР. Анализ же общей обстановки в мире наводил на мысль о том, что Германия, воюющая с Англией, не решится создать для себя еще один фронт. Но Сталин просчитался, потому что в Берлине были уверены в слабости СССР, поскольку германская разведка, подобно советской, не располагала надежными сведениями. Гитлер был убежден, что со стороны СССР ему ничего не грозит, и не воспринимал Москву как серьезную силу. Сталин же надеялся на то, что Германия станет искать его союза.

Наличие нескольких каналов получения разведывательной информации, казалось, должно было способствовать высокому уровню осведомленности советского руководства. Однако, к сожалению, этого не произошло. Скорее всего, это было результатом отсутствия координации работы спецслужб и централизованной оценки поступавших разведданных. Взаимодействие разведок, которое и так было невелико, подрывалось соперничеством между ними. Думается, можно согласиться с выводом М.И. Мельтюхова, что германским и советским спецслужбам лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие.

Литература:

1. Судоплатов, П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 [Электронный ресурс] / П.А.Судоплатов. – Режим доступа: <http://www.militera.ru>. – Дата доступа: 19.02.2013.
2. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина [Электронный ресурс] / М.И. Мельтюхов. – Режим доступа: <http://www.militera.ru>. – Дата доступа: 19.02.2013.
3. Гордиевский, О. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачёва / О. Гордиевский, К. Эндрю. – М.: Центрполиграф, 2000. – 668 с.

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОДВИГА БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Казаков В.А.

4 к., 7 гр., ЛФ УО «Гродненский государственный медицинский университет»
Военная кафедра

Научный руководитель – канд. мед. наук, доц. *Ивашин В.М.*

На месте нынешней Брестской крепости надбужскими славянами в далёкой древности было основано поселение Берестье. Впервые о нём упоминается в 1019 г. в «Повести временных лет».

В течение многовековой истории город не раз становился предметом